В то время как Ван Сицзюнь была в оцепенении, ее губы внезапно почувствовали мягкое и теплое чувство. Лишь через некоторое время она поняла, что на самом деле поцеловала Чжоу Хао!

В этот момент все ее тело стало неподвижным, и она не знала, как вести себя, и при этом она не осмеливалась отвергать Чжоу Хао. Вернее, можно сказать, что она совсем не хотела отказывать ему.

В ее голове осталась только одна мысль: «Чжоу Хао и я поцеловались! Чжоу Хао и я поцеловались! Это мягкое чувство - поцелуй?»

На самом деле она также видела романтические романы Цюн Яо и эстетические описания поцелуев, наполнили ее фантазиями.

Кроме того, она долгое время была влюблена в Чжоу Хао, поэтому ей иногда снилось, как она целовала Чжоу Хао в своих снах.

Однако это призрачное иллюзорное чувство совершенно отличалось от реальности. Надо сказать, поцелуй в реальности был более опьяняющий.

Однако у нее не было никакого опыта в этой области, поэтому она не знала, как реагировать, и не смела двигаться ни на дюйм.

Почувствовав жесткое тело Ван Сицзюнь, Чжоу Хао подумал, что напугал ее, поэтому отпустил ее и извинился: «Извини, Сицзюнь, я был слишком груб».

Лицо Ван Сицзюнь было полностью красным, она была так смущена, что не могла ничего сказать и могла только качать головой.

Двое из них замолчали. Через мгновение они могли слышать только громкие удары их сердец.

Через некоторое время Ван Сицзюнь, наконец, опустила голову, прикусила губы и сказала голосом, похожим на гудение комара: «Чжоу Хао, мы... Это считается нашей первой любовью?»

Выражение ее лица было застенчивым и робким. Ее тонкое тело все еще дрожало, как испуганный кролик.

Увидев Ван Сицзюнь таким образом, Чжоу Хао почувствовал, что его сердце оцепенело, он обнял ее и засмеялся: «Тогда, как насчет того, чтобы сделать это снова?»

Услышав это, щеки Ван Сицзюнь покраснели, как облака в небе.

Она поджала губы и робко сказала: «Но...» Но учитель будет ругать тебя. "Хотя она сказала это, ее лицо было застенчивым, как будто она позволяла своему хозяину решать за нее.

Ван Сицзюнь никогда раньше не сталкивалась с таким чувством, она чувствовала только волны удущья и головокружения, нахлынувшие в ее мозг, но это было чрезвычайно удобно, из-за чего она не могла сопротивляться желанию погрузиться в него.

В это время Ван Сицзюнь чувствовала себя маленькой лодкой, плавающей на бурной поверхности океана, качающаяся вверх и вниз по волнам океана.

"Айя, чей ребенок такой бесстыдный!" На втором этаже женщина средних лет открыла свое окно, только чтобы увидеть Чжоу Хао и Ван Сицзюнь, страстно целующихся в переулке

наверху.

Потрясенные голосом, они расслабились, как будто их ударило током. Чжоу Хао немедленно схватил Ван Сицзюнь и выбежал из переуллка.

Когда они вышли на улицу, Ван Сицзюнь стояла на коленях и задыхалась. Это было не из-за того, сколько шагов она сделала, но из-за несравненной красоты и длительности их поцелуя, она чувствовала удушье.

Чжоу Хао стоял рядом с ней, осторожно поглаживая ее по спине.

Когда ей наконец удалось отдышаться, ее лицо все еще было красным. Тот факт, что они получили упрек от женщины средних лет, заставил ее, будучи молодой девушкой, быть застенчивой и испуганной.

"Давай пойдем домой." Увидев скрытую горечь в глазах Ван Сицзюнь, Чжоу Хао засмеялся и собрался взять ее за руку, но она увернулась от его руки.

«Здесь так много людей...» Ван Сицзюнь опустила голову и застенчиво сказала.

Чжоу Хао посмотрел на свое окружение, и только тогда он понял, что находится на оживленной улице, и держатся здесь за руки, было бы неуместно.

После того, что только что произошло, поход в книжный магазин больше не был актуален, поэтому им пришлось идти домой.

Однако на обратном пути Ван Сицзюнь, казалось, намеренно избегала его, поскольку она намеренно держалась на расстоянии от Чжоу Хао, заставляя его смеяться.

Когда он вернулся домой, Чжоу Хао увидел записку, которую Ян Тонг оставила на столе.

Она сказала, что берет ночную смену, поэтому не нужно было ждать ее возвращения. Кроме того, она уже купила немного еды и поместила ее в холодильник, поэтому Чжоу Хао пришлось самому приготовить ужин.

Когда он положил свою школьную сумку и сел на стул, Чжоу Хао вспомнил о том, что произошло раньше ...

Глубоко задумавшись, Чжоу Хао сжал правый кулак и пробормотал про себя: «Может ли это быть особой способностью?»

В конце концов, с помощью этой силы, он не только сможет защитить себя, он также сможет защитить других, свою мать и Ван Сицзюнь.

Вспоминая красивое и застенчивое лицо Ван Сицзюнь, Чжоу Хао от души смеялся.

Этот поцелуй пробил тонкий слой бумаги между ними. Думая об этом, Чжоу Хао понял, что он действительно скучал по ней.

Таким образом, Чжоу Хао постучал в дверь Ван Сицзюнь, и тот, кто открыл дверь, был младшим братом Ван Сицзюнь, Ван Чжунцай.

Ван Чжунцай был всего на год младше Ван Сицзюнь, и в этом году он только пошел в среднюю школу. Как и Ван Сицзюнь, он также учился во второй школе и был очень близок к Чжоу

Хао. Увидев Чжоу Хао, он засмеялся: «Брат Хао».

"Чжунцай, где твоя сестра?"

Ван Чжунцай сказал: «Моя мама сегодня пошла к бабушке и сказала, что она не вернется сегодня вечером». Моя сестра готовит на кухне. «

Мать Ван Сицзюнь звали Лу Шипин, она руководитель мастерской на фабрике одежды в городе Сян.

Отец Ван Сицзюнь давно умер, и Лу Шипин воспитывала их в одиночку.

Услышав слова Ван Чжунцай, Чжоу Хао сказал: «Какое совпадение, моя мама взяла ночную смену, как насчет того, чтобы поесть вместе?»

"Конечно." С этими словами Ван Чжунцай пригласил Чжоу Хао в дом.

Войдя, Чжоу Хао увидел, как Ван Сицзюнь готовит на кухне с фартуком на шее.

Хотя ей было всего четырнадцать лет, из-за того, что на работе Лу Шипинг была так занята, условия жизни брата и сестры часто определялись Ван Сицзюнь.

"Как ты думаешь, моя сестра слишком добродетельная?"

Ван Чжунцай заметил взгляд Чжоу Хао, когда тот стоял рядом, поэтому он ткнул Чжоу Хао в талию и прошептал: «Брат Хао, позволь мне сказать, моя сестра давно тебя любит».

"Откуда ты знаешь?"

Ван Чжунцай тихо потянул Чжоу Хао в сторону: «Однажды, когда я вошел в ее комнату, я увидел на столе дневник. Он был заполнен твоим именем, я узнал это, так как там был почерк моей сестры».

Думая о том, как Ван Сицзюнь снова и снова записывала его имя на бумаге, Чжоу Хао внезапно почувствовал неопишуемое чувство в своем сердце, как будто в его сердце струился небольшой поток тепла.

Но он все еще сказал: «Это ничего не значит».

«Не значит? Тогда почему она не написала мое имя? Я все еще ее младший брат», - надулся Ван Чжунцай.

Чувствуя волнение, Ван Сицзюнь обернулась и увидела, как Чжоу Хао беседует с ее младшим братом.

Сицзюнь не могла не вспомнить эту неловкую сцену, заставив ее немедленно покраснеть.

«Смотри, моя сестра краснеет». Ван Чжунцай чувствовал, что что-то не так, потому что в прошлом, даже если бы Ван Сицзюнь любила Чжоу Хао, он бы не показывала это так ясно.

Таким образом, он подозрительно посмотрел на Чжоу Хао: «Брат Хао, может быть, ты уже что-то сделал с моей сестрой?»

Слой холодного пота появился на лбу Чжоу Хао.

После решительного отрицания того, что он издевался над сестрой Ван Чжунцая, чтобы избавиться от него, Чжоу Хао спрятался на кухне, чтобы готовить вместе с Ван Сицзюнь, однако из-за присутствия Чжоу Хао сердце Ван Сицзюнь не было застенчивым и нервным, а вместо этого взволнованным.

После того, как еда была наконец приготовлена, трое собрались на ужин.

Ван Сицзюнь и Чжоу Хао, с другой стороны, были погружены в пищу, не осмеливаясь говорить под подозрительным взглядом Ван Чжунцая. Однако они не знали, что это усилило подозрения Ван Чжунцая.

После обеда Ван Чжунцай неожиданно сказал: «Забудь об этом, я пойду к брату Хао и посмотрю телевизор. Это хорошо для вас двоих делать домашнее задание и немного поучиться, поэтому я не буду вас беспокоить».

Сказав это, он вышел, оставив позади Чжоу Хао и Ван Сицзюнь.

«Это все твоя вина. В будущем я даже не смогу поднять голову перед ним». Ван Сицзюнь надулась.

Чжоу Хао пожал плечами: «Не волнуйся, даже если он действительно что-то знает, он, вероятно, не скажет вашей матери».

Ван Сицзюнь также не беспокоилась о Ван Чжунцае, она верила, что он не предаст ее.

Видя, как Чжоу Хао безудержно поднимает ноги и читает газету, как будто он владелец дома, она впиалась взглядом в Чжоу Хао, но все равно собрала миски и палочки для еды, как добродетельная жена.

Чжоу Хао не смотрел на новости, такие как правительственные встречи или дорожно-транспортные происшествия, но смотрел на финансовые новости.

Внутренние финансовые рынки сейчас начинают формироваться.

Некоторые газеты также появились в специальном финансовом издании, сообщающем о движениях компаний, котирующихся на биржах в Шанхае и Шэньчжэне.

В 1996 году индекс Шанхай Композит и индекс Шенжен Композит показали огромный рост: сотни акций выросли более чем в пять раз.

Кроме того, Чжоу Хао ясно помнил самый большой рост акций, и из сегодняшних сообщений в газетах казалось, что акции в этих воспоминаниях действительно сильно росли.

Начиная с октября, холодные порывы ветра будут дуть от правительства.

Частые «Повторные регулирования поведения листинговых компаний», «Меры по управлению фондовыми биржами», «Повторные прекращения перерасхода при выпуске акций» и другие положения, а именно «Двенадцать золотых правил».

Однако ничто из этого не смогло остановить рост рынка.

Сейчас уже была середина октября, и внутренние акции упадут только в середине декабря, поэтому у Чжоу Хао осталось два месяца, чтобы заработать деньги.

<http://tl.rulate.ru/book/35710/792426>